

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМА АКАДЕМИЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ В ПОСТСОЦИАЛИЗМЕ¹

Модератор Бенджамин Коуп

Gender Studies, the State and the Problem of Academic Autonomy in Postsocialism

Discussion with Andrea Peto and Elena Gapova

Moderated by Benjamin Cope

In the academic year 2016-17, two academic institutions, which are important for the development of gender studies in the region – the European University in St. Petersburg and the Central European University in Budapest, – concurrently came under the threat of closure. In both cases, gender studies constituted one of the key sources of controversy. In the case of the European University, the impulse to intensified attention on the part of the state was a complaint by a Member of the Legal Council of St. Petersburg (now – a Member of the Russian Parliament – State Duma), Vitali Milonov, who explained his appeal to the state prosecutor in the following terms, “Students of the university have sent me a written petition, in which they complained that they are being forced to write works on themes inappropriate for Russians: on the defence of LGBT rights, gender topics and other filthy things.” In the case of CEU, gender studies was, if not a direct impulse to, at least a rhetorical trope in the Hungarian Government’s declarations seeking to deprive the university of its educational license. If, notwithstanding the pressure on them, CEU and EU are for the moment still operating in Hungary and Russia, then EHU, a university of the same generation and working in close cooperation with both institutions in the sphere of gender studies, has already been through the experience of being closed and exiled beyond the borders of Belarus, the country in which it was founded. It seems to us not simply a coincidence that, in the case of all three

¹ Перевод с английского Елены Минчени.

institutions, gender studies was, and is, amongst the strongest and most highly visible academic disciplines. Why, both at the beginning of the 2000s, and today, does gender studies provoke such hostile reactions on the part of governments of countries of Central and Eastern Europe, how is it connected with the crisis of democratic transformations in the region and what does this say about the status of gender studies in the countries of CEE? It was these questions that we discussed with Elena Gapova, a founder of the Centre of Gender Studies at EHU and Associate Professor at Western Michigan University, and Andrea Peto, Professor of Gender Studies at CEU.

Keywords: gender, class, feminism, academy, postsocialism, Central and Eastern Europe.

В 2016–2017 гг. два важных для развития гендерных исследований в регионе академических центра – Европейский университет (ЕУ) в Санкт-Петербурге и Центрально-Европейский университет (ЦЕУ) в Будапеште – одновременно оказались под угрозой закрытия. В обоих случаях одним из основных источников раздражения стали гендерные исследования. В случае ЕУ предпосылкой к пристальному интересу со стороны государства явилась в том числе жалоба депутата законодательного собрания Санкт-Петербурга (сейчас – депутата Госдумы) Виталия Милонова, который так объяснил свое обращение в прокуратуру: «Студенты вуза передали мне письменное заявление, в котором они жаловались, что их заставляют писать работы на несвойственные для россиян темы: о защите прав ЛГБТ, о всяких гендерных вопросах и о прочих гадостях»². В случае ЦЕУ гендерные исследования стали если не предпосылкой, то риторическим приемом, используемым венгерским правительством для оправдания лишения университета образовательной лицензии.

Если, несмотря на давление, ЦЕУ и ЕУ пока еще продолжают существовать в Венгрии и России, то Европейский гуманитарный университет (ЕГУ), принадлежащей к университетам того же поколения и тесно сотрудничающий с вышеназванными институциями в сфере гендерных исследований, уже пережил опыт закрытия и перемещения за пределы Беларуси, где он был изначально создан. Нам кажется неслучайным, что во всех трех институциях гендерные исследования были и есть среди самых сильных и видимых академических направлений.

Почему гендерные исследования вызывают раздражение у правительств стран Центральной и Восточной Европы и в начале 2000-х, и сегодня? Как это связано с кризисом демократических изменений в регионе? Каков статус гендерных исследований в странах ЦВЕ? Данные проблемы мы обсуждаем с Еленой Гаповой, основательницей Центра гендерных исследований ЕГУ и доценткой За-

² [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/12/12/evropeyskiy-universitet-v-sankt-peterburge-ostavili-bez-litsenzii-cto-proishodit>

падно-Мичиганского университета, и Андреа Пето, профессоркой по гендерным исследованиям в ЦЕУ.

Б.К. *Что говорит ситуация, в которой оказался Центрально-Европейский университет, о современной социальной и политической обстановке в регионе?*

А.П. Я считаю важным подчеркнуть, что происходящее направлено не столько против ЦЕУ, сколько против академической свободы, и подобное происходит не только в Венгрии, но и в других странах. В своем недавнем выступлении в Берлине в Школе управления Херти ректор Майкл Игнатъефф подчеркнул, что академическая свобода – это то, за что всегда надо бороться, поскольку она является тем ключевым аспектом, который нелиберальные режимы пытаются подчинить себе. Поэтому если вы посмотрите на ситуацию в России, Турции, Польше или Венгрии, вы найдете одинаковые попытки искоренить пространства академической свободы и критического мышления.

Что касается текущей ситуации (к середине июня 2017 г.), то, после того как парламент Венгрии в срочном порядке принял изменение к закону о высшем образовании, в последние два месяца не было существенных изменений. Новый закон установил определенные требования для ЦЕУ, которые сделали практически невозможным его функционирование в стране, как наличие кампуса в США и соглашение между Американским федеральным правительством и Венгерским государством. Дело в том, что федеральное правительство просто не заключает подобного рода соглашения с национальными правительствами в сфере образования. Эти моменты подтверждают подозрения, что данный закон фактически направлен на то, чтобы сделать невозможным легальное функционирование ЦЕУ в Венгрии.

Б.К. *Посмотрим на происходящее, учитывая опыт ЕГУ. Когда университет был закрыт авторитарным белорусским режимом в 2004 г., ситуация воспринималась скорее как исключительная. Действительно, всем известно, что Кондолиза Райс охарактеризовала Беларусь как «последнюю диктатуру Европы». В подобного рода нарративе постсоциалистические трансформации неизбежно означают движение от подобных репрессий. Что же на самом деле произошло за эти десять лет – с момента закрытия ЕГУ до кризиса вокруг ЦЕУ?*

Е.Г. Я думаю, мы обязательно должны коснуться в нашей дискуссии ситуации с Европейским университетом в Санкт-Петербурге, который также находится сейчас в сложном положении. Это происходит не в первый раз, но сейчас мы не знаем, в каких условиях он сможет продолжать свою деятельность.

С одной стороны, я согласна с Андреа в отношении академической свободы как центральной проблемы. С другой стороны, закрытие ЕГУ произошло в 2004 г., и у нас было время обдумать ситуацию. Результатом моих размышлений на эту тему стала статья «Национальное знание и международное признание: постсоветская академия в борьбе за символические рынки», которую я опубликовала в 2011 г. в журнале «Ab Imperio». Она посвящена включению постсоветской академии в глобальный академический рынок. Это совершенно новая ситуация для интеллектуалов и сотрудни_ц академии как института по производству знания. В свое время в Советском Союзе была Партия, которая «знала истину», т.е. обладала властью выносить вердикт в отношении научного знания. Вообще истину устанавливают ученые, но в Советском Союзе окончательный вердикт выносила Партия. Поэтому социальная роль ученых была ограниченной. Постсоветская ситуация же сильно отличается. Ученые и интеллектуалы претендуют на то, чтобы стать арбитрами, если воспользоваться словами Зигмунта Баумана, вкуса, истины и т.д. Поэтому то, что происходит с академией, как я полагаю, есть часть «переговоров» о роли и статусе интеллектуалов, иными словами, о том, какая группа будет определять «правду», говорить «вот так обстоят дела на самом деле». Партии больше нет, но «начальство», т.е. власть, не исчезло. Отдадут ли они какой-то другой группе право выносить такие вердикты?

В то же время внутри академии есть разные группы. Одну из них я метафорически называю «старая академия», имея в виду, что ее ресурсы и власть заключены в административных структурах и советском наследии. Существует и «новая академия» (это также метафора) – новые академические элиты, их статус в большей степени основан на международном признании и легитимирован через публикации в международных журналах. То есть внутри самой академии эти две группы – или стороны – пытаются договориться, кто будет той самой группой, которая «знает», определяет истину и говорит обществу, что является правильным. Конечно, эти академические элиты включены в более широкий социальный контекст, находятся внутри того огромного социального сдвига, который был запущен распадом социализма.

А.П. Я нахожу этот анализ очень интересным, но я бы включила еще одну группу в это разделение между «старой» и «новой» академией. Вместе с Вероникой Гржебальска мы разрабатываем новое понятие – «трутовые государства» (polypore states), которое описывает современную форму управления в Польше и Венгрии. Трутовик – это паразитическая разновидность грибов, которые растут на стволах деревьев. «Трутовые государства» используют ресурсы не для реализации базовой идеи, а фактически просто для своего существования. Причина, по которой я упомянула об этих государствах, в том, что они создают такие же академии. Позвольте мне привести пример: Венгерский Национальный банк имеет образовательный фонд, который поддерживает студент_ок от средней

школы до докторантского уровня. Фонд получает деньги от государства, иными словами, это деньги налогоплательщиков, но его активность никак не контролируется ни «старой», ни «новой» академией. Бюджет такого фонда практически равен бюджету всего образовательного сектора Венгрии. Таким образом, по сути, была создана зеркальная структура, в которой не важны ни знания, ни публикации. И этот фонд не только поддерживает экономические программы, он также развивает программы в социальных и гуманитарных науках. Вопрос в том, сможет ли Венгерский комитет по аккредитации остановить распространение подобных программ, которые не имеют ничего общего с тем, что мы называем сегодня академией или наукой. Будет ли он закрывать глаза на их существование? Будут ли ему угрожать? Это очень важные вопросы.

Я предлагаю рассматривать происходящее с нашими университетами как знаки глубокого конфликта: ЕГУ в 2004 г. стал зоной такого конфликта, сейчас ЦЕУ находится в ситуации конфликта между этими тремя академиями. Мое дополнение в том, что существует «трутовая академия». Эти ученые имеют хорошие зарплаты, но они работают вне зоны аккредитаций или структур контроля качества. Понимание того, что гендерные исследования рассматриваются такими «трутовыми акторами» как не-наука, открывает очень интересную линию для дальнейших размышлений.

Е.Г. Конечно, некоторые группы «старой академии» также думают, что гендерные исследования – это чистая идеология.

А.П. Но я говорю не о постсоциалистической академии. В Венгрии «трутовое государство» направлено против неолиберальной академии, поскольку неолиберальная академия означает маркетизацию образования, в которой студент_ки становятся клиент_ками, это также означает продвижение академических ценностей. Пока «трутовая академия» просто копирует академические структуры без всякой отчетности в отношении качества, которое имеет место в неолиберальной академии.

Б.К. *Какую роль гендер и гендерные исследования играют в возникновении той конфигурации, которую Вы, Андреа, описываете?*

А.П. Все из нас, кто занимается гендерными исследованиями, осознали, что неожиданно наша работа стала исключительно значима политически. Сейчас каждая имеет мнение по поводу того, что такое гендерные исследования: в медиа обсуждают, что должно быть результатом преподавания гендерных исследований. Это связано с тем, что гендерная теория стала «символическим клеем» – еще одна метафора, которой я хотела бы поделиться с вами. Символический клей – это то, что способно затронуть чувство экзистенциальной тревоги

у людей и направить его на вопросы равенства. Гендер работает как символический клей по-разному.

Во-первых, понятие «гендер» рассматривается как угрожающее. В правовом дискурсе различные оспариваемые вопросы объединены под одной вывеской – «прогрессивная повестка». И туда же включено понятие «гендерная идеология», которое предложено теми, кто рассматривает гендер как угрозу. Оппозиция к этой идеологии стала способом отрицания определенных проявлений текущего социального и экономического порядка, в том числе того факта, что приоритет отдается политикам идентичности, а не проблемам социальной, культурной и политической безопасности.

Во-вторых, демонизация «гендерной идеологии» стала основным риторическим приемом в конструировании нового понимания само собой разумеющегося знания для широкой аудитории. Важно отметить, что существующая социальная мобилизация, основанная на оппозиции к так называемой «гендерной идеологии» и политической корректности, не просто демонизирует мировоззрение своих оппонентов и отрицает всю парадигму прав человека, которая долгое время была объектом общей договоренности в Европе и Северной Америке. Она также предлагает жизнеспособную альтернативу, построенную вокруг семьи, нации, религиозных ценностей и свободы слова, которая в целом привлекательна, поскольку обещает безопасность сообщества как спасение от индивидуализма и социальной автономизации.

В-третьих, оппозиция к гендеру создает для правых возможность образовать широкую коалицию и объединить различных акторов, которые ранее, может быть, не хотели с ними сотрудничать. Таким образом, гендер стал символическим клеем, скрепившим различные религиозные и политические силы – от фундаменталистских групп до некоторых футбольных фанатских сообществ. Поэтому гендерные исследования как научная форма также становятся оспариваемым полем.

Е.Г. Мы с Андреа занимаемся феминистской темой довольно долгое время и потому были свидетельницами отрицания у нас феминизма различными группами, в том числе женщинами. И я думала о том, почему так много женщин на бывшем советском пространстве, например, видят в феминизме враждебную силу. Ведь феминизм желает женщинам лучшего. Почему же многие из них отрицают его?

Чтобы ответить на этот вопрос, важно принять во внимание контекст, в котором западный феминизм пришел в наш регион. Произошло радикальное изменение в понимании гендерного равенства. Во времена социализма превалировало марксистское понимание. Женщины должны иметь возможность работать вне дома, чтобы быть экономически независимыми. Так как женщина отвечает за воспроизводство населения, общество помогает ей бесплатным дет-

ским садом и другими социальными благами. При таком подходе некоторые проблемы (автономии, независимой субъектности, сексуальности, права на свое тело и т.д.) просто не могли быть артикулированы, хотя следует признать, что социалистическая система способствовала значительному улучшению положения женщин.

Феминистская повестка 1990-х гг. привносит важные темы в наш регион. Становится возможным обсуждать сексуальность, женскую автономию, независимую субъектность. Но 1990-е – это время кардинальных и болезненных социальных изменений, возникновения экономического и новых видов социального неравенства. То есть феминизм появляется одновременно с этим новым неравенством, и он как бы «оттягивает внимание» от вопросов распределения к проблеме признания, если пользоваться терминологией Нэнси Фрейзер. Это очень сложный процесс, но важно, что для многих людей феминизм оказывается связанным с неолиберальным капитализмом 1990-х. В самом лучшем мире вопрос был бы не о выборе между признанием и распределением, а об их совмещении, но мы живем в том мире, в котором живем.

О том, что феминизм в некоторых контекстах может оказываться «на одной стороне», пишут Чандра Моханти, Нэнси Фрейзер, Кристин Годси. Я также полагаю, что в нашей части света феминизм иногда рассматривается как прикрытие для возникающего классового и экономического неравенства. Так как у нас разговор об автономии, субъектности, сексуальности и т.д. возникает в другом контексте, чем это было на Западе. Он возникает одновременно с ростом экономического неравенства, и люди реагируют на это.

Б.К. Принимая во внимание то, что Вы, Андреа, сказали, играют ли гендерные исследования особую роль в критике ЦЕУ?

А.П. Как я уже отметила, гендер стал символическим клеем, гендер и гендерные исследования скрепляют широкую сеть вопросов. Если вы посмотрите на хронологию того, что происходило в Венгрии, вы увидите, что магистерская программа по гендерным исследованиям на венгерском, которая существует в Университете Этвёша Лоранда (ELTE), главном университете Будапешта, была первым объектом политических атак. Таким образом, изначально не ЦЕУ, а гендерная программа ELTE оказалась под прицелом. В результате общей критики гендерных исследований гендерная программа в ЦЕУ стала следующей мишенью. Публичные дискуссии показывают, что практически все знают, какими гендерные исследования должны быть, чему необходимо учить. Однако необходимо понимать, что гендерные исследования – это междисциплинарное поле критических исследований, которые анализируют, как социальные, культурные, сексуальные различия конструируются, производятся и распространяются.

В этом контексте правительство Венгрии решило открыть антигендерную программу в университете Корвина, которую назвали исследованиями семьи. Министр человеческого потенциала, который также ответственен за высшее образование, 8 марта 2017 г. объявил, что с сентября будет работать магистерская программа по исследованиям семьи. Конечно, вызывает вопросы неосведомленность министра о том, что, в принципе, невозможно ввести программу магистерского уровня за три месяца, но это показывает, что «трутовое государство», действительно, обеспокоено критическим потенциалом гендерных исследований и старается использовать концепт семьи как противовес гендеру, как если бы семья не была включена в производство гендера.

Я бы опять хотела вернуться к концепту «трутового государства», поскольку мы именно об этом и говорим. «Трутовое государство» функционирует вокруг вопросов безопасности. Оно концентрируется на копировании существующих институций, как в уже упоминавшемся примере с академией. Оно работает с идеологией семейственности, т.е. его политика ориентирована не на индивидов, но на семьи. Поэтому, если вы откроете отчеты CEDAW Венгрии или Польши, то увидите, что они заменяют концепт женщины концептом семьи. Таким образом, женщины постепенно исчезают как независимые агенты из политических документов, а то, что остается, это понятие семьи.

Поэтому в ситуации с ЦЕУ и программой по гендерным исследованиям первой мишенью являются гендерные исследования, а уже второй – ЦЕУ как институция. И даже если все правовые вопросы вокруг существования ЦЕУ будут разрешены (на что я надеюсь), гендер все еще останется политической мишенью, поскольку на данный момент мы переживаем, в понимании Грамши, борьбу ценностей и отношений власти.

Е.Г. Мне кажется, что для разговора о гендерных исследованиях в регионе подойдет концепт «остранения». Он был предложен в 1920-х русским формалистом Виктором Шкловским. «Остранение» означает делание чего-либо странным: погружая некий феномен в новый контекст, возможно открыть его новые стороны. Кажется, что постсоциалистический контекст создает ситуацию «остранения» для феминизма и гендерных исследований. Очень важно помнить, что появление второй волны феминизма на Западе связано с конкретным социальным, экономическим и политическим контекстом. В конце 1960-х – 1970-е гг. разрыв между бедными и богатыми становился все меньше и меньше, это был период демократизации. В нашей части света феминизм и гендерные исследования появились, когда неравенство между бедными и богатыми находилось в периоде интенсивного роста. Это создало кардинально другую ситуацию: с одной стороны, можно говорить о демократизации, правах человека, субъективностях, с другой – многие просто теряют источники к существованию. Поэтому

разговор о правах и индивидуальности может находиться в противоречии с тем, что происходит в социальной жизни.

В результате, я думаю, постсоциалистическое пространство может быть очень хорошей живой лабораторией для исследования феминизма и гендерных исследований в ситуации «остранения».

Б.К. *Это очень интересная мысль. Видите ли Вы какое-то различие между временем, о котором Вы говорите, началом 1990-х, и тем, что происходит сейчас?*

Е.Г. Очевидно, что острая социальная нестабильность 1990-х ушла, ситуация стала лучше, появилась какая-то социальная защита и т.д. Государство в какой-то мере начинает «заботиться» о населении, и в это же время развивается критика и даже враждебность в отношении феминизма и гендерных исследований, по крайней мере в его западной версии. Мне кажется, эти два процесса связаны. Это большая тема, но в целом речь идет о том, что «забота» со стороны государства означает «контроль», ограничение независимости тех, о ком оно «заботится». Есть люди, которым очень важна социальная защита, но есть и глобализованные элиты, особенно в крупных городах. Они против «контроля».

А.П. В отношении того, что Елена говорит о социальном неравенстве 1990-х, я бы хотела дополнить: расслоение все еще присутствует и сегодня. Что характерно, современное венгерское «трутовое государство» монополизировало сферу социальной защиты, оставляя за собой при этом право решать, кто считается важным и достойным поддержки гражданином/граждан_кой. Если посмотреть на семейную политику, венгерское правительство поддерживает с помощью жилищного налога высший средний класс, белую городскую и сельскую прослойку, и практически игнорирует бедных. Другими словами, возможно, Елена права и эти социальные различия не так велики, как в 1990-е, но я хочу сказать, что сейчас они являются частью структурного неравенства, которое очень важно видеть и критиковать гендерным исследовател_ницам. Эта ситуация предоставляет политические и интеллектуальные возможности для гендерных исследований и для феминизма в том, чтобы анализировать вопросы класса и гендера в интерсекциональной перспективе.

Е.Г. Я хотела бы отметить один момент. Андреа рассуждает из перспективы человека из Евросоюза, о чем я не очень много знаю, ведь я нахожусь за его пределами. Возможно, это значимое различие в нашем разговоре.

Б.К. *Спасибо, Елена, да, это очень важное уточнение. Однако, думаю, если мы посмотрим с позиции гендерных исследований на то, что проис-*

ходит сейчас в Польше или Венгрии, и сравним это с тем, что происходит в России или Беларуси, разделение на Евросоюз и не-Евросоюз более не кажется таким уж весомым, как ранее.

Но я хотел бы вернуться к вопросу трех академий, о которых вы обе говорили: новой, старой и паразитической. Для меня удивительно, что гендерные исследования имеют потенциал для критики всех трех академий. Поэтому я все еще не до конца понимаю, почему гендерные исследования так легко стали распознаваться как часть новой, ориентированной на элиты, неолиберальной парадигмы. Я хотел бы спросить о том значении и влиянии, которое гендерные исследования имеют на сами институции, в которых вы работаете.

А.П. Департамент гендерных исследований был основан в ЦЕУ, чтобы заполнить пустоту, поскольку программ по гендерным исследованиям не существовало в других странах Восточной Европы. Департамент ставил своей целью создание пространства, в котором будущие исследователь_ницы и преподаватель_ницы могли получить образование. Поэтому департамент имеет очень стабильную позицию внутри университета. Также, если посмотреть на моих студентов_к этого академического года, половина из них приходили из других департаментов. Таким образом, наш департамент играет важную роль в университете, распространяя знание о критических теориях и знакомя студент_ок с междисциплинарными исследованиями и методами. На моем курсе по устной истории студент после одной из лекций сказал: «Я в первый раз прохожу гендерный курс, и он очень хороший!». Он из США, и его высказывание показывает, что есть некоторые стереотипы и предубеждения внутри университета.

Вместе с тем Департамент гендерных исследований играет важную роль во внутренней политике гендерного равенства. Исследование, проведенное на тот момент проректором Каталин Фаркас, показало, что 92% приглашенных в ЦЕУ лектор_ок были мужчинами. И это, конечно, недопустимо. Был подготовлен документ, в котором прописано, что в случае приглашения в университет лектора следует проверить, существует ли возможность приглашения лектора-женщины соответствующей квалификации, или же организаторы должны аргументированно объяснить, почему именно исследователь-мужчина должен быть приглашен. Это выглядит как утомительная процедура, но это первый такого рода документ в Венгрии. ЦЕУ аккредитован в Венгрии, где также был поднят вопрос гендерного равенства в академии. В 2017 г. президент Венгерской академии наук учредил комитет, который исследует положение женщин в академии. Я вхожу в этот комитет и надеюсь, что в будущем больше не будет панелей, состоящих из одних мужчин (#allmalepanels).

Таким образом, вы видите, что есть встречное движение не только внутри департамента и гендерных программ в регионе, но также внутри ЦЕУ и институций Венгрии.

Б.К. Это звучит очень оптимистично. Но были ли сложности и конфликты?

А.П. Если и есть конфликты, то не в академии, а в том смысле, что, конечно, всегда есть разные взгляды. Но я думаю, что ЦЕУ – это хорошее пространство для того, чтобы обсуждать разные мнения и проблемы.

Е.Г. Да, я также хочу сказать, как важен был ЦЕУ в свое время для всех нас в регионе. Гендерная программа в ЦЕУ в середине 1990-х – начале 2000-х была пространством для диалога с западными исследователями. Я не могу выразить, насколько важно было это пространство.

Если говорить о ЕГУ, прежде всего я должна признать, что мое участие в его учебных программах уже не так велико. Могу сказать, что это белорусский университет, ориентированный на белорусское интеллектуальное сообщество, но в то же время находящийся за пределами страны. Думаю, он все еще ищет свою идентичность. Гендерные исследования присутствуют в университете. Однако интересно, что те, с кем мы создавали Центр гендерных исследований, кроме Альмиры Усмановой, сейчас живут за пределами Беларуси или Литвы: в США, Германии, Великобритании, Швеции. Люди должны написать и защитить диссертации, получить работу, а ЕГУ не может им это предложить.

Что касается Беларуси, возможности для трудоустройства профессионалов с такого рода образованием, с западными степенями, очень ограничены, если вообще существуют. И это большая проблема. Это не значит, что в Беларуси нет гендерных дискуссий, ведь есть НГО, где ситуация совсем другая, но не в академии. Есть много людей, занимающихся проблемой гендерного неравенства, но академия в целом, за исключением некоторого количества исследователей, практически отрезана от теорий и дискуссий мирового академического сообщества. Работы тех немногих, кто начинает заниматься гендерными исследованиями, например в БГУ, должна сказать, часто наивны. Изгнание ЕГУ в Литву привело к разделению между теми идеями, которые производятся в университете, и белорусскими академическими реалиями. Белорусские академические элиты и правительство были очень успешны в том, чтобы защитить местные институции от новых идей, подходов, программ и в целом от включения в глобальную академию.

Б.К. Можно ли распространить это сравнение на Европейский университет в Санкт-Петербурге?

Е.Г. Как и ЦЕУ, Европейский университет предлагает магистратуру и аспирантуру, там нет бакалавриата. Университет небольшой, но в отношении таких дисциплин, как история, антропология, политические науки, имеет очень высокий уровень. Проблемы, с которыми столкнулся сейчас университет, могут быть политически мотивированы. Но используются технические поводы: отсутствие спортивного зала или вопросы пожарной безопасности. Их непросто решить, поскольку до последнего времени ЕУ располагался во дворце XVIII в. В университете есть гендерная программа, которой руководят две замечательные исследовательницы – Елена Здравомыслова и Анна Темкина. Область исследовательских интересов – это, прежде всего, социальная защита, проблемы репродукции, сексуальность и здоровье.

А.П. Я хотела бы отметить некоторые моменты в отношении различия трех институций. Первое: ЦЕУ в отличие от ЕУ все же имеет в собственности здания, в которых он располагается. Второе: существуют различия в академической аффилиации. ЦЕУ имеет двойную идентичность, присуждая венгерскую и американскую степени, в то время как ЕГУ выдает литовские дипломы, а ЕУ – российские. В этом моменте «трутовое государство» опять становится значимым фактором, поскольку если государство меняет требования, то университеты попадают в очень уязвимое положение. Возьмем, к примеру, Турцию: частные университеты там аккредитованы турецкой образовательной системой, и это означает, что любое изменение системы будет иметь влияние на них.

Я хочу сказать, что мы должны принимать по внимание, может ли, и если да, то как, государство вмешиваться в процесс аккредитации и до какой степени система образования самостоятельна. Национальные государства Европейского союза имеют право регулировать систему образования. Брюссель имеет ограниченное влияние, если одно из государств пренебрегает академической свободой. Может быть, сейчас самое время вернуться к прекрасной традиции Центральной Европы – летучим университетам демократической оппозиции 1970–1980-х. С их помощью была создана сеть институций, находящихся в оппозиции к государству. Это была очень успешная образовательная стратегия: я сама там многое узнала, и ключевые сотрудники администрации нынешнего правительства Венгрии также там обучались. Очевидно, эти университеты были успешны в подготовке оригинально мыслящих людей.

Б.К. *Кажется, это удачный момент, чтобы отдельно обсудить вопрос, какое значение те проблемы, которые мы рассматриваем, имеют для Европы. С одной стороны, то, что происходит с ЦЕУ, выглядит довольно знакомо (вспомним ЕГУ): государство подавляет академическую свободу во имя консервативных ценностей и защиты от глобального влияния. Поэтому, возможно, граница между ЕС и репрессивными практиками за преде-*

лами ЕС более не является устойчивой. С другой стороны, для ЕГУ и для ЦЕУ их расположенность в Евросоюзе предоставляет механизмы и аргументы для защиты институций, которые не существуют за пределами ЕС. Я бы хотел спросить: отражается ли угроза существования ЦЕУ и враждебность к гендерным исследованиям на нашем понимании Европы как некоторого социального и политического проекта?

А.П. Если обратить внимание на главные ценности Евросоюза, то гендерное равенство – одна из них. Гендерное равенство является одним из условий для вступления в ЕС. Сейчас инфраструктура для обеспечения гендерного равенства, основанная на документах ООН и ЕС, которая создавалась в течение последних 20–30 лет, находится под ударом и практически уничтожена изнутри и снаружи. Польское и венгерское правительства систематически саботируют внедрение различного рода гендерных программ, продвигая свою, отличную от содержащихся в европейских документах версию гендерного равенства. Одновременно появляется новый язык. Вместо понятия «гендер» с целью его деполитизации используют понятие «бессознательная наклонность». Таким образом, есть внутренние и внешние измерения этих атак на разработанные механизмы гендерного равенства, установленные в ЕС.

Б.К. Елена, что Вы думаете по этому поводу, наблюдая ситуацию, находясь за пределами ЕС?

Е.Г. Если говорить об академии, надо признать, что появились исследовательницы, которые видят гендер основной линией социального разделения. Что бы они ни изучали, они понимают, что гендер там будет. В то же время происходит консервативный поворот, однако он неоднозначен. Мне кажется, что, по крайней мере в Беларуси и отчасти в России, некоторые проблемы, которые продвигаются феминистскими группами, сейчас подхвачены (или «перехвачены») правительством. И это хорошо и плохо одновременно. С одной стороны, у правительства есть ресурсы, чтобы решить некоторые вопросы. С другой стороны, эти ресурсы зачастую используются с весьма патриархатной установкой. Это можно наблюдать в таких явлениях, о которых уже говорила Андреа: в исследованиях семьи или организации сферы социальной защиты.

Б.К. Могу ли я в заключение попросить вас подумать о будущем? Размышляя о ситуации ЦЕУ и гендерных исследованиях в регионе, а также о более широком политическом контексте, кажется, не будет преувеличением говорить о кризисе. Может ли каждая из вас представить, что ждет гендерные исследования в регионе?

Е.Г. Я не думаю, что гендерные исследования прекратят свое существование, поскольку они являются частью социальной критики и критической теории в принципе. Мы не можем научиться видеть то, что мы уже поняли и увидели. Но я была бы более внимательна к вопросам гендера и класса в постсоциализме. Многие сейчас интересуются гендерными исследованиями и феминизмом, однако зачастую эти люди принадлежат к глобальным элитам. Я не имею в виду то, что они богаты, вовсе нет. Многие из них находятся в прекарном положении. Но они включены в международные экологические, феминистские, правозащитные сети, а это совсем другое дело. Если бы я понимала 20 лет назад то, что я знаю сейчас, я была бы намного более внимательна к проблеме классового разделения в постсоциалистических обществах.

А.П. Я бы отметила два момента.

Первый момент: я искренне удивлена тем, что, когда бы я ни включила телевизор или радио, там говорят о гендерных исследованиях в Венгрии. Раньше никто не знал, что это такое. Поэтому, я думаю, есть реальная возможность использовать внимание медиа и продвинуть наши идеи. И мы должны использовать эту возможность, чтобы ясно и открыто представить наше виденье для широкой аудитории. Вполне справедливая критика состоит в том, что гендерные исследования были весьма закрыты, существуя внутри академии, использовали очень сложный теоретический язык. Сейчас мы должны думать, как преодолеть этот момент. Сохраняя критическую направленность и академический статус гендерных исследований, мы, тем не менее, должны представлять наши идеи широкой аудитории.

Что именно мы должны представлять? Это второй момент, на котором я хотела бы заострить внимание. Я думаю, мы должны обращаться к материальным, экономическим проблемам, которые все еще актуальны, о чем говорила Елена. На мой взгляд, сейчас тот самый исторический момент и исторические возможности, когда есть сильная потребность в новых идеях, эмоциях, фактах. И гендерные исследования могут внести большой вклад в переосмысление символического и лингвистического репертуара прогрессивной политики.

5 июня 2017 г.